

Дубнякова Оксана Алексеевна, Кашина Татьяна Александровна

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ГОЛОС В ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКАХ: А. ЖИД, П. КЛОДЕЛЬ, Ф. МОРИАК

Статья посвящена особенностям личных дневников выдающихся французских писателей-современников: А. Жида, П. Клоделя и Ф. Мориака. Двух последних авторов принято рассматривать как по преимуществу религиозных писателей, тогда как Жид являлся прежде всего сторонником полноты авторской свободы, что делало многие его произведения скандальными. Все изучаемые авторы занимали различные позиции по отношению к жизни и к творчеству - о чем свидетельствует, в частности, выбор ими конкретных тем и форм дневникового письма, исследуемых в данной статье.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 14-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.133.1

Статья посвящена особенностям личных дневников выдающихся французских писателей-современников: А. Жида, П. Клоделя и Ф. Мориака. Двух последних авторов принято рассматривать как по преимуществу религиозных писателей, тогда как Жид являлся прежде всего сторонником полноты авторской свободы, что делало многие его произведения скандальными. Все изучаемые авторы занимали различные позиции по отношению к жизни и к творчеству – о чем свидетельствует, в частности, выбор ими конкретных тем и форм дневникового письма, исследуемых в данной статье.

Ключевые слова и фразы: личный дневник; форма дневникового письма; интимность и искренность дневникового письма; гибридная форма дневника; религиозные дневниковые записи; А. Жид; П. Клодель; Ф. Мориак.

Дубнякова Оксана Алексеевна, к. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
DubnyakovaOA@mgpu.ru; oks_d@mail.ru

Кашина Татьяна Александровна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
tatiana@kashina.eu

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ГОЛОС В ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКАХ: А. ЖИД, П. КЛОДЕЛЬ, Ф. МОРИАК

Личные дневники продолжают привлекать неизменный интерес исследователей, и происходит это, в частности, потому, что данный тип текста делает голос автора особенно «слышимым». Нехудожественность, интимность и искренность письма, свойственные большинству личных дневников, позволяют многое узнать об их создателях – в случае же, когда такими создателями являются известные писатели, из выбора тем для дневниковых записей и стратегий их ведения исследователи могут делать заключения о жизненных и творческих установках авторов. В настоящей статье будут рассматриваться три личных дневника – А. Жида, П. Клоделя и Ф. Мориака, французских писателей-современников, друживших между собой; задачей исследования является показать особенности форм дневникового письма, выбранного каждым из авторов, связь этих форм с личностью авторов, так же как и влияние отраженных в дневниках авторских установок на «разговор» между писателями.

«Дневник» Андре Жида

Андре Жид (1869-1951 гг.), величайший французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947 г.) начинает вести свои дневниковые записи в 1887 г. – в 18 лет, и хотя самое известное издание его «Дневника» в серии «La Pleiade» (1951 г.) открывается записями только 1899 года, объясняется это тем, что туда вошли не все существующие дневниковые тетради Жида.

Если говорить об отношении Жида к собственным записям, то можно заметить, что «Дневник» неизменно тесно сплетен с его художественным творчеством. Так, «Тетради Андре Вальтера» и дневниковые записи периода написания этой книги порой почти дословно совпадают – Жид буквально переписывал в произведение целые страницы из «Дневника». Затем Жид начал делать различие между дневниковыми записями и своей прозой и, хотя и в «Тесных вратах», «Имморалисте», «Пасторальной симфонии» и «Фальшивомонетчиках» есть значительные переключки с дневниковыми заметками Жида, но все же между ними начинает прослеживаться и четкая граница.

Согласно исследованию издателя последнего варианта «Дневника» Э. Марти, можно выделить несколько ключевых особенностей «Дневника» Жида. Первая – это необычное, почти религиозное отношение его автора ко времени. Жид ведет свой дневник с удивительным постоянством, нисколько не заботясь о значительности фиксируемых им событий. Марти называет это этической составляющей дневника – Жид находится под властью выработанной им самим **этики присутствия** [10, р. XIV]. В ведении дневниковых записей, согласно Марти, для Жида кроется спасение в самом религиозном смысле этого слова. Ежедневная фиксация происходящего – это своего рода **авторское смирение** и готовность признать собственную несостоятельность перед моментами реальности, даже кажущимися лишенными смысла.

Самая важная сюжетная составляющая дневника Жида – **интимная**. Интимность – это, прежде всего, тело автора во всех его проявлениях: бессонница, болезнь, усталость, телесные желания (крестиком Жид неизменно отмечал моменты, когда уступал греху своего детства – онанизму). Бессонница – одна из самых важных и удивительных составляющих жизни и записей Жида. «Необъяснимые состояния оцепенения в самое разное время суток придают сну больше привлекательности, чем чтению, чем работе, чем жизни. Я пропадаю в пучину апатии, бессознательности, *небытия*» [8, р. 1222] (*пер. здесь и далее наш – О. Д., Т. К.*), – пишет Жид 3 июля 1923 г. Позволим себе предположить, что Жид, мучившийся почти всю свою жизнь религиозными вопросами, особенно тяжело переживает все, что ему в собственной жизни не подконтрольно – недаром «Дневник» показывает, насколько был силен в Жиде порой страх сумасшествия или демонического влияния. Вероятно, бессонница – один из самых сильных врагов Жида того же порядка: она невероятно мешает жизни и творчеству, и никакие усилия (например, специально предпринимаемые длительные прогулки) неспособны от этого врага избавиться.

То, что Э. Марти называет **приключением** – безусловно, еще одна важнейшая составляющая Дневника. Приключения – это любовные встречи, сцены наблюдения за сексуально привлекательными для Жида объектами; крайне важны для «Дневника» эпизоды часто почти бессмысленного и безуспешного преследования Жидом мальчиков-подростков. Марти подчеркивает, что во всех этих встречах один из важнейших для Жида аспектов – это принадлежность этих юношей к другому социальному слою: с одной стороны, к миру нищеты и необразованности, но одновременно, что для Жида крайне принципиально, – простоты и естественности.

Однако **секрет** «Дневника» Жида, согласно Марти, кроется не здесь. Подлинной тайной «Дневника» являются зашифрованные самим автором имена: *Эм., М., Мад., Мадл.* – все эти наименования относятся к Мадлен Жид, или Эмманюэль (евр. «С нами Бог» – имя героини «Тетрадей Андре Вальтера»). Возвысив отношения со своей возлюбленной до исключительно религиозного уровня, Жид попал в своеобразную ловушку: так, постоянно имевшие место «случайные» измены супруге, брак с которой был лишен физической составляющей, Жид вовсе и не считал изменами – удовольствие и любовь, как он пишет в своей автобиографии, не должны были для него смешиваться. Но совсем другое дело, когда речь идет о длительных связях. Так, романы с М. Шлемберже и М. Аллегре – это, безусловно, в понимании Жида (что хорошо видно из «Дневника»), было предательством по отношению к жене. Зачатие втайне от супруги ребенка – конечно, тоже нанесенное ей непростительное оскорбление. По меткому замечанию Марти, если вся скрываемая от Мадлен жизнь во многом формирует секретную часть «Дневника», то сама Мадлен все же составляет его тайну, пожалуй, в еще большей степени. «Знала ли она? Если знала, то что именно? <...> Какого рода было ее влечение в данном браке?» [10, р. XXVI].

В 1916 г. Жид переживает подлинно религиозный кризис, который находит свое отражение преимущественно именно в «Дневнике». Плодом этого кризисного периода стала публикация в 1922 г. тетради “*Numquid et tu...*” (или так называемой «Зеленой тетради»), в которой религиозная составляющая доминирует над прочими темами записей и особенно ярко отражается поиск собственной религиозной идентичности – поиск, закончившийся, однако, безуспешно.

Еще одна важнейшая составляющая «Дневника» Жида, которую выделяет Марти, – **литературная**. Конечно, в «Дневнике» присутствует много портретных зарисовок представителей современного Жиду литературного мира (так, многочисленные карикатурные изображения свайного молота-Клоделя – один из самых показательных примеров записей подобного рода), но это все же не основная литературная компонента «Дневника». Марти говорит о том, что можно рассматривать весь «Дневник» Жида вообще как своеобразный имплицитный диалог между «писателем» и «молодым человеком» (подобный диалогу, в форме которого написаны «Яства земные»), единственным предметом которого является влечение к литературе, желание быть писателем.

По мнению исследователя, для Жида «Дневник» в определенный момент становится важнейшим, если не единственным, залогом целостности себя как автора, поскольку его произведения слишком неоднородны и оставляют скорее впечатление дезинтеграции, – что можно без труда объяснить, если вспомнить, что их автор по собственному определению – истинный **человек диалога**.

«Ничто, кроме того, что мы находим в дневнике Жида, само по себе не уверяет нас в существовании в его творчестве единства, мощности, неопровержимости. Скорее наоборот: весьма нерегулярный ритм создания произведений, изобилие жанров, скудость некоторых из произведений, различие источников вдохновения – все словно говорит о призрачности его творчества, в противоположность “дорожному катку”, если можно так сказать, Пруста или Клоделя, у которых всякое произведение почти догматично и являет свою неопровержимость на каждой странице» [Ibidem, р. LXIII].

Поля Клодель и его «Дневник»

«Дневник» Поля Клоделя (1868-1955 гг.), знаменитейшего французского поэта и драматурга, члена Французской академии (с 1946 г.) разительно отличается от «Дневника» Андре Жида. Если весь «Дневник» Жида – это целостное произведение, написанное почти всегда ясно, языком, близким к художественному – что, вероятно, позволило осуществиться его еще прижизненной публикации, то «Дневник» Клоделя, особенно в первые десятилетия его ведения, – это, скорее, внушительных размеров **«черновик»**, относящийся к дневниковому жанру.

Ф. Варийон – исследователь и издатель «Дневника» Клоделя – замечает, что о клоделевских дневниковых записях можно сказать примерно то же, что написал Ш. дю Бос об «Обнаженном сердце» Бодлера: «Скорее, чем на дневник, эти сборники похожи на тетрадь, где без какого бы то ни было порядка, кроме требования настоящего момента, налагаются друг на друга афоризм, мстительная заметка, которой требует сердце, простое замечание, уверенно принятое решение, на которое надеются, как на талисман, молитва, наконец; и, бродя среди этих узоров, следуешь за тем, что только можно найти самого трогательного в мире: за повседневной жизнью, схваченной в ее самом безыскусном беспорядке, и где именно по этой самой причине, лучшее всего проглядывает “все, что в существовании есть сокровенного и горького”» [Цит. по: 13, р. XVII].

Клодель начал первую тетрадь своего «Дневника» в Китае, в сентябре 1904 г., оставшись в одиночестве после ухода своей возлюбленной, Розали Веч. До этого момента он уже предпринимал некоторые попытки вести записные книжки; первые его записи касались преимущественно духовной стороны собственной жизни, особенно дел и мыслей, в которых ему хотелось принести покаяние. Ф. Варийон считает, что это было вызвано указаниями духовных наставников Клоделя, прививавших последнему навык самоанализа, исследования собственных греховных поступков и помыслов. Например, Клодель упоминает о том, что дурно говорил о людях, вышучивал и высмеивал близких, слушал мессу без внимания [Ibidem, р. XI].

Однако Клодель долгое время не собирался вести личный дневник в полном смысле этого слова: это подразумевало бы необходимость в ретроспекции и интроспекции, но и то, и другое отталкивало писателя. В отличие от А. Жида, Клоделя записи интровертивного плана не слишком привлекали. «Вглядываться в себя – самый верный способ, чтобы изменить себя до неузнаваемости, – говорил Клодель. – Когда смотришь на себя, всегда принимаешь какую-нибудь позу» [6, vol. II, p. 218]. Если ведение дневника подразумевает в авторе присутствие самолюбования, то вряд ли можно найти кого-то менее к этому способного, чем Клодель. «Самым верным средством самопознания было бы, скорее, – “забудь себя”, забудь себя, чтобы быть поглощенным тем зрелищем, которое разворачивается перед тобой и которое бесконечно более интересно – по крайней мере, по-моему» [Ibidem, p. 198]. Итак, Клоделю – в отличие от Жида – была совершенно чужда всякая интровертивность.

Что касается ретроспекции в «Дневнике», то Клодель пишет о ней так: «В вагоне есть сидения, расположенные по направлению движения и против него; есть люди, что глядят на удаляющееся прошлое, другие же смотрят на будущее, которое приближается <...> всю свою жизнь я старался жить, глядя вперед, и избавиться от этой меланхолии, сожаления о вещах ушедших, которые не приводят ни к чему, кроме ослабления характера и воображения» [Ibidem, p. 95-96]. В этом смысле как минимум одно сходство между «Дневниками» Жида и Клоделя можно выделить: они оба – приверженцы настоящего момента, реальности, свершающейся сейчас; и для них обоих это предпочтение имеет значение почти религиозное.

Следует сразу оговориться: несмотря на подобные высказывания его автора, со временем «Дневник» Клоделя наполнился некоторым и интроспективным, и ретроспективным содержанием; или, может быть, сам автор в приведенных замечаниях имел в виду нечто иное. Если у него уже был регулярный опыт «испытаний совести», то кажутся несколько противоречивыми его резкие слова об интимности, поскольку наблюдение за собственными греховными помыслами кажется Клоделю чем-то не только допустимым, но даже полезным. С другой стороны, то же касается и ретроспекции: например, уже во второй тетради «Дневников» он фиксирует одно из таких испытаний совести, при этом неизбежно вспоминая свое прошлое: «Все мои грехи, и в особенности мое падение 1900 г., имели причиной мою душевную черствость по отношению к ближнему» [Ibidem, vol. I, p. 240].

В самом начале Клодель использовал «Дневник» исключительно как сборник цитат – преимущественно религиозного содержания. Он делал выписки из читаемых им в то время «Моралий» св. Григория Двоеслова со своими комментариями к ним. В 1905 году он отправил первую тетрадь «Дневника» Жиду – как другу и одновременно идеологическому оппоненту; этот жест можно воспринять как одну из неизменно повторяющихся попыток привести друга в лоно церкви. Однако чуть позже такой подарок стал бы уже невозможным. «Дневник» начал стремительно наполняться **личностным содержанием**: набросками, проектами, рассказами о проделанных путешествиях, суждениями и оценками художественного плана, деталями из семейной и профессиональной жизни. Этот пласт «Дневника» можно назвать экстравертивной его составляющей: не заботясь о порядке или точности, писатель день за днем вносил в него записи о том, что его привлекало, трогало или забавляло. В этих записях нет вымысла, все описываемые события подлинны и достоверны, язык лишен всякой художественности.

Другой род записей – **рефлексии, носящие религиозный характер**. Представленные на первых страницах как безличные комментарии к текстам св. Григория, со временем они стали все более и более личностными и начали отражать духовную жизнь Клоделя.

Перечитывая страницы из прошлого, писатель впоследствии нередко использовал их как источник впечатлений, настроений, образов и идей, которые затем переносил в свои стихотворения и драмы. Так, работая в 1918-1919 гг. над гимном «Святой Мартин», Клодель использовал свои дневниковые записи 1914 г., сделанные в Гамбурге в дни объявления Первой мировой войны. Однако, в отличие от Жида, Клодель старался никогда не путать тетрадь для работы над произведением с тетрадью дневниковой. Как только у него рождался замысел произведения, даже если это было отмечено в «Дневнике» или вызвано темами или идеями, в «Дневнике» развивавшимися, он обычно сразу переносил всю свою работу художника в отдельную тетрадь – в этом смысле Клодель-поэт и драматург с Клоделем-автором «Дневника» не смешиваются: кажется, что ему было важно сохранить «Дневник» как некое полностью личное пространство.

Однако с годами дневниковые записи становятся все более важными для Клоделя, и туда все чаще стали попадать записи, выносящие критические суждения. «Не просите у него мнений о его литературных собратьях, он не перестанет быть несправедливым, если только не перестанет быть честным» [Ibidem, p. 553], – писал он сам о себе летом 1922 г.

Чаще всего резкость и грубость Клоделя проявлялись по отношению к идеологическим оппонентам, живым или мертвым. Так, в 1932 г. Клодель назвал Гёте – кумира Жида – «ослом» [Ibidem, p. 1000], а о протестантах в целом отозвался в 1938 г. по-английски «I don't stomach them» (Я их не перевариваю) [Ibidem, vol. II, p. 255]. Некоторое объяснение своей резкости в суждениях оставил и сам Клодель: «Мои интеллектуальная медлительность и отсутствие здравого смысла происходят из моего непомерного субъективизма – я, вместо того чтобы смотреть на вещь, о которой мне говорят, сразу начинаю искать отклик на нее в себе самом, что приводит иногда к абсурдным реакциям с моей стороны» [Ibidem, vol. I, p. 74].

Эта разница между сознаниями Клоделя и Жида действительно важна – в том числе и для понимания особенности их диалога. Так, в мае 1909 г. Клодель сформулировал в «Дневнике» свое творческое кредо, переписав туда следующую цитату Бальзака: «Писатель должен иметь устоявшиеся мнения: он должен рассматривать себя как наставника людей, поскольку для того чтобы сомневаться, нет необходимости

в учителях» [Цит. по: Ibidem, p. 96]. Итак, здесь можно увидеть, во-первых, оправдание резкости собственных суждений – поскольку у наставника людей суждение обязательно должно быть устоявшимся; с другой стороны, здесь видна и крайне важная для Клоделя идея допустимости и даже необходимости **дидактической роли писателя**. Именно этим объясняется разгоревшаяся в 1914 г. ссора Клоделя с Жидом относительно сатиры последнего «Подземелья Ватикана»: не столько сама гомосексуальность Жида возбудила гнев католического поэта, сколько упоминание о ней в его повести – по Клоделю, весьма вредное для читателя. Очевидно однако, что для Жида, напротив, **утилитаризм в эстетике невозможен** ни при каких условиях.

Франсуа Мориак и его «Дневник»

Французский писатель, член Французской академии (с 1933 г.), лауреат Нобелевской премии (в 1952 г.), получивший за свои заслуги перед страной Большой крест ордена Почётного легиона (в 1958 г.), Ф. Мориак (1885-1970 гг.) обратился к записям в дневнике рано в своем творчестве, еще до официального успеха своих романов, и в конечном итоге дневники составляют большую часть всего его творчества (в целом автобиографические произведения писателя занимают 2057 страниц).

Следует, однако, сделать важное замечание относительно **формы** дневниковых произведений Ф. Мориака, что приводит к обнаружению черт, отличающих его от более традиционных дневников А. Жида и П. Клоделя. Мориак назвал «Дневником» (фр. «Journal») сборник своих публицистических статей. «Дневником» (игра слов: «journal» в переводе с фр. – это также «газета») для него становится практически ежедневной публикацией статей в таких известных французских периодических изданиях, как *La Table Ronde* (1952-1953), *L'Express* (1954-1961), *Le Figaro Littéraire* (1961-1970) [2, с. 89]. Мориак приходит к осмыслению своего особого письма постепенно, создав **гибридную** форму (объединяющую дневник и журналистскую колонку дня), которая наиболее подходит его мысли и его способу письма [3]. В центре внимания Мориака находится не его личная жизнь, а ежедневные события во французском обществе и мире. И намерением писателя становится, в первую очередь, дойти самому до ответа, который ищут все остальные люди. Возможно, такая форма дневника становится местом, где лучше всего решаются неразрешимые противоречия этой пишущей личности.

В повседневных сюжетах Ф. Мориака затрагиваются и события мирового масштаба, и «незначительные» события. Известно самое первое политическое воспоминание Ф. Мориака – **дело капитана Дрейфуса**. Сам писатель был еще ребенком в то время, когда офицера Дрейфуса обвинили в шпионаже в пользу Германии и отправили в пожизненную ссылку. Как оказалось, следствие опиралось на сфабрикованные доказательства, а на фоне распространенного антисемитского настроения общества на вынесение приговора повлиял тот факт, что Дрейфус был евреем. Осознание этой вопиющей несправедливости, по словам Б. Кокюла, «сформировало» Ф. Мориака в политическом плане [7, р. 87-88]. Именно благодаря этому опыту писатель остро реагировал на несправедливость и порой бывал даже резок в противостоянии ей. История с большой буквы занимала ум Ф. Мориака, так что он обращался к воображаемой Истории: «Воображаемая История предпочтительнее самых красивых *воображенных историй*». Однако в своих дневниках через любое событие он продолжает переживать свою историю отдельного человека: «<...> не историю мира, а *историю человека*» [Цит. по: Ibidem, p. 122].

Ф. Мориак подчеркивал, что он хотел бы «ограничиться [написанием] истории одной души» [Цит. по: 9, р. 301]. Б. Кокюла называл такой прием Ф. Мориака **«синкретизмом»**, когда происходило сочетание разнородных тематик, при котором сам писатель не считал необходимым следить за их непротиворечием друг другу, а строил общее единство на другом – на своей вере. Другими словами, в таком дневнике происходило «столкновение индивидуального и универсального» [7, р. 211-222]. Именно эта черта отличает мориакские дневники от его мемуаров: последние представляют собой масштабное ретроспективное повествование, построенное по четкому целостному плану. Иначе обстоит дело с дневниковыми записями – периодически повторяющимися темами, содержащими скорее вопросы, направленные к читателю, о его будущем, смысле жизни, провоцирующие. Сам писатель задумывался о том, зачем он обращается к такой особой форме письма: «Возможно, несознательно он пытается **определить форму своей души**, которая будет у него перед взглядом Того, Кто наделил ей, и Который может в любой момент призвать ее обратно» [Цит. по: 9, р. 15].

Итак, несмотря на свое нежелание писать «классический дневник», Мориак все же начинает с себя, со своей истории, которая приводит его к историям других людей: «Я считаю, что существует другая история, чем История, это **моя история**, ваша история, столько **историй человеческих существ**» [11, р. 57]. Публицист Мориак перед событиями, которые ему предстоит комментировать, включает в эти события сумму индивидуальных историй, тех историй, которые «питают» источник автора художественных произведений. История для Мориака похожа на матрешку, которая включает в себя нескольких кукол [7, р. 222]. Так, родные места – **Ланды, Малагар** – постоянно присутствуют в дневнике этого выходца из Аквитании. Первые два тома «Дневников» начинались статьями, озаглавленными «Малагар». Зачастую описание любимого края сопровождается воспоминанием о своем детстве, несколькими штрихами о своих близких людях и друзьях, он пишет о «духовности Ланд», где он еще ребенком предчувствовал, что «мы принадлежим бесконечности» [11, р. 230].

Также от традиционного личного дневника Ф. Мориак берет такую важнейшую черту, как **максимальная искренность** и **эмоциональность** изложения событий. Однако искренность и эмоциональность Мориака отличались от, например, жидовской. Мориак преимущественно искренен и глубоко эмоционален, когда речь идет о его религиозной идентичности [1]. Так, основной темой, определяющей Ф. Мориака как христианского писателя и публициста, стала **тема отношения с Богом, с Христом, с Церковью**. В конце 20-х гг. Ф. Мориак пережил кризис веры, выступив против понимания веры как соблюдения правил и запретов, что привело его

к переосмыслению веры, переданной ему с детства, и к обращению как библейского блудного сына [11, р. 125]. Б. Кокюла назвал дневниковые произведения Ф. Мориака одной долгой молитвой, обращенной ко Христу. Исследователь блокнотов Мориака Е. А. Воронина пишет, что такие утверждения не случайны: «Иисус Христос является **стержнем** веры, его первоисточником, в Нем реализовались его чаяния, сомнения и искания» [2].

Однако Мориак как католик отличается от католика Клоделя, в частности, своей непредубежденностью к Жиду, о чем свидетельствуют их встречи в Малагар (поместье Мориака), долгие разговоры, и даже неосуждение в тех ситуациях, когда другие католики Жида порицали. Для Франсуа Мориака Андре Жид был одновременно и учителем, и соратником. Мориак никогда не высказывался негативно в отношении своего противника, не требовал он от Жида и принятия норм христианской морали, считал, что точка зрения, противоположная его собственной, должна быть принята во внимание. Это касалось и отношения Мориака к гомосексуальности Жида, которую Клодель осуждал. Мориак не считал «вредными» книги о людях нетрадиционной сексуальной ориентации, а с эстетической точки зрения считал их даже полезными, поскольку они «помогают глубже раскрыть человеческое сердце» [Цит. по: 12, р. 2].

Таким образом, рассмотренные в данной статье дневники демонстрируют три различные позиции по отношению как к жизни, так и к творчеству. Выбор тематики записей и выбор формы дневникового письма зависят от особенностей личности автора, черт его характера, ряда его принципиальных убеждений. По дневниковым записям, в свою очередь, можно реконструировать и фигуру их автора. Так, мы видели, что «нетерпимый» (и сам признающий свою нетерпимость) Клодель оказывается и в жизни неспособным принять позицию Жида – сторонника искреннего, интимного письма. Мориак же, с его вниманием к истории отдельного человека, оказывается способным на большую открытость, не отказываясь при этом от своей христианской идентичности.

Список литературы

1. **Дубнякова О. А.** Дневниковые записи Ф. Мориака как форма самопрезентации в диалоге с обществом // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: материалы Первой междунар. конф. / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: МГПУ, Языки народов мира, 2016. С. 185-189.
2. **Воронина Е. А.** Франсуа Мориак: писатель-публицист // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. № 9. С. 89-97.
3. **Дубнякова О. А.** Эволюция дневниковых записей Франсуа Мориака как пример становления языковой личности писателя // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. материалов науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Саратов: Изд-во ООО «Инсома-пресс», 2014. С. 386-389.
4. **Дубнякова О. А., Коршунова А. А.** Контекст создания «дневника» и особенности дневниковой прозы П. Клоделя // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. В. Чайка. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. С. 85-89.
5. **Савельева Е. Б.** Передача эмоционального состояния героя через Я-дейксис в произведениях Андре Жида // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 11.
6. **Claudel P.** Journal: en 2 vol. / introd. par F. Varillon; texte établi et annoté par F. Varillon et J. Petit. Paris: Gallimard, 1968-1969. Vol. I. 1904-1932. 1499 p.; Vol. II. 1933-1955. 1360 p.
7. **Cocula B.** Mauriac écrivain et journaliste / préface de J. Lacouture. Bordeaux: Ed. Sud Ouest, 2006. 222 p.
8. **Gide A.** Journal I, 1887-1925 / éd. établie, présentée et annotée par É. Marty. Paris: Gallimard, 1996. 1748 p.
9. **Gugelot F.** La conversion des intellectuels au catholicisme en France 1885-1935. Paris: CNRS éditions, 2010. 560 p.
10. **Marty É.** Gide au jour le jour: introduction à l'édition du Journal I d'André Gide // Gide A. Journal I. Paris: Gallimard, 1996. P. IX-LXVIII
11. **Mauriac F.** Journal. Mémoires politiques. Paris: Laffont, 2008. 1136 p.
12. **Tringli Z.** Gide vu par Mauriac le chrétien [Электронный ресурс] // Sens public. URL: <http://www.sens-public.org/article499.html?lang=fr> (дата обращения: 29.10.2016).
13. **Varillon F.** Introduction à l'édition du Journal de Claudel // Claudel P. Journal I. Paris: Gallimard, 1968. P. VII-LIX

AUTHOR'S VOICE IN PERSONAL DIARIES: A. GIDE, P. CLAUDEL, F. MAURIA C

Dubnyakova Oksana Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University
DubnyakovaOA@mgpu.ru; oks_d@mail.ru

Kashina Tat'yana Aleksandrovna
Lomonosov Moscow State University
tatiana@kashina.eu

The article analyzes the peculiarities of personal diaries of the outstanding French writers-contemporaries: A. Gide, P. Claudel and F. Mauriac. The two latter authors are generally considered as the basically religious writers while Gide was, first of all, the follower of author's absolute freedom doctrine, which made many of his works scandalous. All the mentioned authors have the different approaches to life and creation, and this conclusion is justified by their choice of particular themes and forms of diary notes.

Key words and phrases: personal diary; diary form; intimacy and sincerity of a diary; hybrid diary form; religious diary notes; A Gide; P. Claudel; F. Mauriac.